

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

ПРОРЫВ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин

Прорыв Линии Маннергейма

«Яуза»

2022

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Драбкин А. В.

Прорыв Линии Маннергейма / А. В. Драбкин — «Яуза»,
2022 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-00155-531-5

НОВАЯ КНИГА ПРОЕКТА «Я ПОМНЮ»! Перед читателем впервые предстает окопная правда Советско-финской (Зимней) войны 1939-1940 гг., которая отодвинула границу от Ленинграда накануне Великой Отечественной, и войны 1941—1944 гг. (или как ее называют в финской литературе — «Войны-продолжения»), закончившейся взятием Выборга и прекращением Финляндией военных действий против СССР. На страницах этой книги вы услышите живые голоса пехотинцев, танкистов, летчиков, артиллеристов Красной Армии, прорвавших казавшуюся неприступней Линию Маннергейма и сражавшихся на Карельском фронте против союзных Третьему Рейху финских войск. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-531-5

© Драбкин А. В., 2022

© Яуза, 2022

Содержание

Алейников Константин Михайлович	6
Бацунов Григорий Петрович	9
Гюннинен Эдуард Матвеевич	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Прорыв Линии Маннергейма
Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Фотография на обложке: Архив РИА Новости.

© Драбкин А.В., 2022

© ООО «Яуза-каталог», 2022

Алейников Константин Михайлович

Когда в 1939 году мы заканчивали, то госэкзамены принимали прямо в летнем лагере. Обычно на экзамены возвращались в училище, а тут прямо в лагере. Сдали экзамены, приезжаем в училище – батюшки, а там везде, даже в танцевальном зале, в коридорах, битком стоят двухъярусные кровати для новых курсантов. Ну, зачитали нам приказы о присвоении званий и о распределении. Я с двумя ребятами попал в 157-ю стрелковую дивизию в Новороссийске.

Но даже отпуск не дали. А я ведь с девушкой договорился, что, как только получу отпуск, оформим женитьбу и заберу ее с собой. Но так без отпуска и уехал в Новороссийск.

Командир дивизии назначил меня командиром 4-й роты в 633-й полк, который стоял в станице Славинской, сейчас это Славянск-на-Кубани. А как раз шла подготовка к осеннему смотру. Но у меня оказались очень хорошие командиры взводов, и мы так подтянули роту, что в итоге заняли в полку 1-е место.

Тут начинаются события с Финляндией. Везде митинги проходят: «Никак они не уступают, чтобы отвести войска от Ленинграда!» В итоге объявили войну. Митинг в полку проходит, выступают замполит, парторги, а потом вдруг меня вызывают – ведь командир ведущей роты. Поднялся на эту трибуну и говорю: «Да наш город Ленинград по населению больше этой Финляндии! Да мы их... Я со своей ротой готов немедленно ехать!» А через какое-то время зачитывают приказ: командир полка, я и один командир взвода – убыть в Ростов.

Приехали в Ростов, а там уже много командиров с разных частей, и меня приказом направляют командиром роты на петрозаводское направление в 8-ю армию. И того взводного тоже в 8-ю, а командира полка на Карельский перешеек.

С этим лейтенантом приехали в Петрозаводск, на сборном пункте зарегистрировались, и тут же нам устраивают проверку по лыжной подготовке. А откуда у нас на Кавказе лыжная подготовка? У нас в училище лыжи ставили на траву, ноги в крепления вставляли и на месте учили, как делать поворот и прочее. Повезли нас в лесной техникум, он на горе стоял. Лыжи выдали, ну я надеваю, а сосед мне говорит: «Ты же не на ту ногу надел!» Я смотрел-смотрел, какая нога, они же одинаковые... (*смеется*). Ну ладно.

Когда подошла моя очередь спускаться с горы, инструктор спрашивает: «Катался?» – «Никогда!» – «Давай вперед!», и я сразу кубарем пошел... «Вставай! Надевай! Пошел!» В общем, где-то с неделю учились кататься на лыжах. Да, и еще изучали винтовку СВТ. Если забежать вперед, скажу, что солдаты эти винтовки просто бросали. Чуть только грязь попадет, сразу отказывает. Потом вроде ее усовершенствовали, но в Финскую кампанию солдаты от нее отказались.

А в начале декабря получили с этим командиром взвода назначение в один и тот же полк, только в разные батальоны. Меня назначили командиром роты во 2-м батальоне 163-го стрелкового полка 11-й механизированной дивизии 8-й армии.

Повезли нас на полуторках. Только границу пересекли, чуть-чуть проехали и встали – сплошные пробки. Там же дороги узкие. Наш старший дает приказ: «Раз такое дело, становитесь на лыжи и пешком!» И мы пошли...

Нашли штаб полка, там палатка стоит, человек в солдатской форме начинает читать: «Алейников назначается командиром 4-й роты (4-я рота меня везде преследовала) такого-то батальона». Вышли мы с ним, и связной отвел нас к командиру батальона.

Пришли, представились, нотама стояла целая группа командиров, причем все в касках, и кто он из них – непонятно. Какой-то пожилой говорит мне: «Давай туда, там рота отходит! Надо ее остановить и занять позицию. Только сначала зайдите к командиру взвода снабжения!» Заходим, тот говорит: «Снимите все с себя! Надевайте солдатское!» Я потом из госпиталя в этом солдатском и поехал. Когда переоделись, связной отвел меня в эту роту.

Остановил я ее на каком-то рубеже, собрал командиров, представился. Походил, посмотрел, где можно расположить солдат, и отдаю приказ. Причем как в училище учили, строго по уставу, по пунктам, противник там-то, сектор такой-то, и пошел. Атам вместо погибшего командира роты командовал замполит роты – секретарь партийной организации цеха какого-то ленинградского завода. Пожилой уже дядька. Он послушал меня и говорит: «Кончай эту богадельню!» – «Как?» – «Чего ты тут наговорил?! Скажи просто: ты тут стоишь, туда стреляешь, чего ты тут развел?» И там я командовал до февраля. Пока меня не ранило.

Как получилось. Ходили мы в атаку. А снег же по колено, кругом елки, откуда стреляют, ничего не видно. И в одном месте на высоту наткнулись и никак не могли ее взять. Да, а перед этим ко мне пришел командир взвода разведки от полковой артиллерийской батареи, весь в ремнях. Я ему говорю: «Ты бы переоделся!» Он возмутился. И только он сориентировал, куда стрелять, и подал команду «огонь!», выполз из снежного окопа, и его сразу шлеп...

И вот когда я не смог эту высоту взять, решил посмотреть, нельзя ли ее обойти. Поползли с ординарцем, а ползти по такому снегу дай бог как тяжело... Тихо, ничего не видно, не слышно, и я не выдержал, поднялся. Не знаю, сколько сделал шагов, и меня шлепнули... Ординарец увидел, что я упал. Слышу, как он вздохнул: «Ой, убит...» И собрался ползти назад. Так и не знаю, то ли я пошевелился, то ли что, но он вернулся и вытащил меня. Атам меня сразу в медсанбат.

Привезли меня в армейский госпиталь в Лодейное Поле, а я же без сознания. Но, судя по характеру ранения, в меня попал не снайпер, а осколок мины. Потому что мне снесло все лицо: рот, нос, но это я узнал только в Саратове.

Интервью: А. Чунихин

Лит. обработка: Н. Чобану

Бацунов Григорий Петрович

В конце ноября 1939 года погрузили нас в эшелон и отправили на Карельский перешеек. В первых боях очень трудно было приспособиться к местным условиям. Сплошной линии обороны у финнов не было, действовали лишь небольшие мобильные отряды лыжников. Полк же наш не был полностью укомплектован лыжами, а передвигаться без них по снегу в некоторых

местах не представлялось возможным. Поэтому действия полка и оказались замедленными. Используя лесистую местность с многочисленными полянами, финны устраивали там снайперские гнезда. Неоднократно наши роты и взводы попадали в их засады и несли большие потери. Где-то в конце декабря попала под огонь снайпера и наша рота...

Двигались цепью и вышли на поляну метров двести в длину и семьдесят в ширину. Кругом лес, на поляне трава высокая, старая, камыш и кустарник. До середины не дошли, как один за другим стали падать... Все попадали, залегли в этой траве. Я зарылся в снег, он рыхлый, мягкий, ничего впереди не видно из-за камыша. А кто голову поднимет – сразу готов... Пулеметчики с нами были – расчет РПД, две очереди не успели дать, обоих сразу положили... Потом командир по цепи отдает приказ: «Передать на правый фланг: отделение сержанта Старкова в обход поляны!» Поползли ребята, а мы в снегу лежим, постреливаем не глядя. Не видно же, откуда бьет. Голову никто не поднимает, а эта сволочь все равно стреляет. То одного, то другого зацепит... Но ребята обошли краем поляны, вышли на гнездо. Так там женщина оказалась... У этой стервы как раз патроны закончились. Подошли к сосне, а у нее там прямо помост из досок на сучках подвешен, метров пять от земли. Сучья на соснах там низко растут, ребята, как по лестнице, по ним полезли, так она прикладом одному голову разбила... Сбросили ее оттуда вместе с досками и хотели на клочья порвать, да командиры не дали. А она ведь человек двадцать убила...

В январе бои поутихли, мы как раз возле какой-то деревушки стояли. Жителей там не было, они все ушли, побросав все. В домах столы, кровати и перины с подушками, в некоторых даже посуда осталась. Когда на посту стоишь, снег под ногами скрипит, а финны по ночам даже на шум стреляют. Так мы подноровились. В дом зайдешь, подушку стащишь, штыком разорвешь, пух под ноги высыпашь – и ногам тепло, и снег не скрипит. Потом как-то ликвидировали группу диверсантов, человек пятьдесят, и они прорывались через наш участок.

Чтобы не дать им пройти, нас расставляют часовыми метров через сто пятьдесят друг от друга. Командир ставит меня на пост, а с ним капитан НКВД. Тот говорит: «Смотри внимательней! Не стреляй, тут наши ребята ходят, документы собирают и оружие у убитых». Ушли они. Стою на посту, а местность почти открытая. Кругом трава старая да кустарник реденький. Вдруг вижу: идут двое в моем направлении. Кричу им: «Стой! Кто такие?!» Они молчат, все идут, и уже метров семьдесят от меня. Приглядываюсь: на них накидки, как плащи, с капюшонами на головах, на наших вроде не похожи. Опять кричу: «Стой! Стрелять буду!» А они все идут. Тут я винтовку вскинул и сразу выстрелил. Один упал, а другой побежал в сторону другого нашего поста. А от поста до поста недалеко, мы даже видим друг друга. Гляжу: они на посту сцепились, катаются. Я кинулся бегом помочь нашему, и тут сзади меня как долбануло... Упал, лежу, чувствую, у меня аж вещмешок задымился. Подбегает наш командир взвода с двумя бойцами и с ними этот капитан. У него в руках автомат, со ствола дымок еще тянется, и тут я понял: это он, стерва, в меня стрелял... Капитан на меня орет: «Почему пост бросил?! Ты че стрелял?! Я же тебя предупреждал, что здесь наши ходят. Если убил нашего, я сейчас же тебя застрелю за оставление поста и за то, что открыл огонь по своим!» Подошли к убитому, капитан сдернул накидку с него, а там форма не наша. Из-под куртки торчал воротник серый с зелеными петлицами, как у лесника, оружия, правда, не было. Капитан обшарил карманы, ничего в них не нашел. Тогда он снял с шеи убитого медальон, часы с руки, себе в карман положил. Руки вытирает о себя, на меня посмотрел и говорит: «Ну, твое счастье...» А второй все-таки ушел. Убил нашего штыком его же винтовки... А мне потом командир роты объявил благодарность «за умелые и правильные действия на посту».

На лыжах финны, конечно, хорошо бегали. Они у них широкие, прямо как наши охотничьи, только чуть короче. Был такой случай. В начале февраля послал нас командир в финское село, километров за пять от нашего лагеря. Ну, чтобы финна-проводника привели. Пришли в село, а там половина домов пустые стоят. Ну хорошо, глянули, где дым из трубы идет... Зашли

в одну хату, там мужик лет сорока с бабой и ребятишек двое. Объяснили ему, как смогли, чтобы собирался. Повели его, руки связали и глаза завязали – так командир приказал. А один боец стволом подталкивает впереди себя по лыжне. А снегу в лесу до нижних сучьев намело. Если снег разгребешь под низ елки, там как шалаш получается. В пургу там часто отдыхали, прятались, курили. Финн как-то умудрился сдвинуть повязку с глаз и как дал на лыжах под горку со связанными руками и скрылся за буграми. Только мы его и видели, никто даже выстрелить не успел...

В марте бои стали затихать, и наш полк вывели в тыл. В апреле погрузили в эшелон и отправили в Бессарабию. Там после небольшой стычки стали лагерем, а уже в сентябре 1940 года я демобилизовался.

Воспоминания записал и любезно предоставил для публикации на сайте «Я помню» младший сын ветерана – Александр Гоизгорьевич.

Лит. обработка: Н. Чобану

Гюннинен Эдуард Матвеевич

Я окончил 10 классов русской школы с отличием и в 1939 году поступил на первый курс физического факультета Ленинградского государственного университета. 17 ноября я вернулся из университета – лежит повестка из военкомата. Подобные повестки приходили и раньше к тем, у кого был предпризывной возраст. То надо анкету заполнить, то здоровье проверяли. Я пошел в военкомат без всякого удивления. Службский военкомат располагался в

Павловке, в крепости. Командир (тогда офицеров называли командирами) взял мой паспорт, порвал пополам и бросил в корзину. Я вздрогнул.

– Иди в 25-ю комнату.

Я пришел туда. Там было около 25 человек ребят из соседних деревень. Многих я знал, все были финны. Латыша отправили домой. Пришел начальник и объявил:

– Сейчас поедem в Петрозаводск служить в армии.

– Как же мы поедem? Мы ничего не сказали дома!

– Ничего. Напишите.

Ребята начали сильно шуметь. Никто ничего с собой не взял. Командир не обращал на это никакого внимания. Нас отправили в баню и побрили. Около 12 часов ночи командир сообщил нам, что не удалось договориться с транспортом и все могут идти домой. Была суббота, и он велел нам явиться снова в понедельник к 10 часам.

В час ночи я пришел домой, дома все беспокоятся, куда я потерялся. В понедельник я снова явился в военкомат. К месту службы в Петрозаводск нас привезли товарным поездом. Моя служба началась в 106-й дивизии, в штабной роте. Я хотел попроситься в артиллерию, но начальник сказал, что я «жидковат» для артиллерии. Меня определили в батальон связи телефонистом.

Какую форму вы тогда носили?

Форма была красноармейская. Служба шла по уставу Красной армии.

Как вы узнали о начале войны с финнами?

По радио, из газет. Конечно, у меня сразу возникли сомнения по поводу официальной версии. Но никто вслух ничего не говорил. Сначала было объявлено, что мы ведем переговоры с Финляндией, чтобы отодвинуть границу. Затем было объявлено, что Финляндия не согласна на эти условия, произошел обстрел на участке границы в районе деревни Майнила, поэтому советская сторона была вынуждена начать боевые действия. Казалось странным, что финны вдруг напали на нас. Но мы это не обсуждали.

В середине декабря наш батальон связи привезли в Ленинград. Здесь нас одели в какую-то странную форму. Она была из хорошего рыжего сукна, с накладными карманами, брюки галифе, яловые сапоги из хорошей кожи. Потом мы узнали, что это была польская форма. Как узнали, я уже не помню, но еще во время Зимней войны. Мы над ней посмеивались. Гражданин СССР и доброволец Финской народной армии в польской форме. Только вместо конфедератки у нас была шапка-ушанка с красной звездочкой. Осенью в Польше захватили трофеи, и нас одели в эту форму.

Наш батальон построили, одетые в такую же форму командир батальона и комиссар нам объявили:

– Товарищи, мы с вами являемся батальоном связи первого корпуса Финской народной армии.

По их лицам было видно, что они сами были сильно удивлены и плохо понимали, что происходит.

Комиссар батальона предупредил, что на территории противника надо соблюдать осторожность: мины, отравленные продукты, на деревьях – кукушки с автоматами. Нас посадили в открытый грузовик и привезли в Куоккалу (сейчас Репино). Все дома пустые, население ушло. Мы разместились в небольшом доме. На веранде яблоки, но приказ не трогать. Но кто-то рассказал, что видел, как солдат и политрук ели яблоки, и запрет рухнул.

Сначала мы ничего не делали, и это мало кого заботило. Я начал лазить по чердакам пустых домов. Там было много финских иллюстрированных журналов, я читал их часами. Удивлялся, как интересно иллюстрировано. У нас в СССР таких журналов не было. Удивляло и содержание: Гитлер в окружении детей, как у нас Сталин – «отец народов». Были и страшные картинки: два человека несли на носилках отрубленную голову Сталина. Комментарий я даже побоялся читать. Наиболее интересными были статьи о жизни в СССР, о советских порядках, о том, о чем у нас не говорили, – раскулачивании, арестах. Были статьи и о жизни в Финляндии.

Неужели командиры разрешали читать такие журналы?

Я никому не рассказывал. Читал иногда даже во время дежурства, но я не замечал, чтобы за нами кто-то следил. Один раз я поднялся на чердак. Вижу, что кто-то еще поднимается. А это оказалось зеркало, а в нем мое отражение. Удивляла также обстановка: в домах была хорошая мебель, каждая семья жила в отдельном доме.

Служба началась. В Куоккале я был включен в штат телефонной станции штаба корпуса и работал за коммутатором, включавшим 60 абонентов. Сначала коммутаторщиков было двое, дежурили по 12 часов.

Какие отношения у вас были с бойцами Красной армии?

Хорошие, никакой неприязни по отношению к нам не было. Когда наш батальон привезли в Куоккалу для расположения в штабе, чтобы мы заранее провели телефонные линии и обустроили штаб, то был забавный случай. Ночью стоял патруль. Вдруг красноармейцы окружили, потому что приняли нас за «белофиннов». Всех разбудили, мы выбежали. Красноармейцы долго не могли понять, кто мы такие. Потом убедились, что мы все говорим по-русски и у нас красные звездочки.

Штаб корпуса армии переместился в Ривьеру, 2 км от Зеленогорска, и расположился в домах – бывших дачах офицерского состава. Отделы штаба находились в разных домах, у каждого были свои телефоны. Две дивизии уже находились под Выборгом, связь с ними тоже шла через телефонную станцию. Все шло на два коммутатора. Я дежурил за большим коммутатором на 60 номеров. За маленьким коммутатором на 12 номеров дежурил другой человек.

Здесь мы принимали присягу. Кто знал финский – на финском, остальные – на русском. Командиры были русские. Солдат-финнов не хватало, стали набирать представителей всех национальностей. Политрук нашей роты, Армейсков Борис Михайлович, был русский. Он был веселый, доброжелательный, простой человек. Он начал учить финский язык, спрашивал нас, как правильно произносить, отдавал команды по-фински. До призыва в армию он был начальником пожарной команды, имел четыре класса образования. Его назначили политруком, потому что он был членом партии. Настоящей политической работы он с нами не проводил, сообщал только новости. В Финской народной армии специалистов было мало. Почти все необученные новобранцы.

Комиссар батальона тоже был русский. Очень мягкий и внимательный человек. Мы его очень уважали, он нам очень помогал, вникал во все наши проблемы. К нему можно было прийти с любой проблемой. Он очень хитро потом поправлял, не говорил, кто жаловался.

Командиром телефонной роты был капитан Рудаков. Простой, спокойный, рассудительный. Однажды я вздремнул за коммутатором. Он меня не ругал, только по-отечески отчитал, пожурил.

На каком языке финны говорили между собой?

По-русски. По-фински, может быть, иногда мы и говорили, если рядом не было русских.

И все финны хорошо говорили по-русски?

Да, все. Некоторые говорили с акцентом, но большинство говорило по-русски чисто.

Как кормили?

Кормили нас хорошо. Преобладала каша – гречневая и перловая. Последнюю называли шрапнель. Всегда было мясо, чай или кофе. Давали по 50 г водки, но я ее не пил, отдавал своему начальнику.

В Финской народной армии издавалась газета Kansanarmeija (Народная армия) на трех языках: финском, карельском, русском. Вы ее читали?

Нет, не помню такой. Во время Великой Отечественной у нас была дивизионная газета, но недолго.

Как вы узнавали новости?

От политрука роты. Каждое утро он проводил политинформацию 10–15 мин, оповещал о событиях в мире и на фронте.

Вы знали о больших потерях со стороны СССР?

Специально об этом никто не говорил. Но по сарафанному радио слухи о больших потерях до нас доходили. Говорили, что у финнов очень много снайперов с автоматами и мы несем из-за этого большие потери. Говорили также, что если бы мы могли применить танки, то разгромили бы врага, но это было невозможно из-за озер и лесисто-болотистой местности.

Ходили разговоры, что Шапошников, начальник генерального штаба РККА, составил план ведения войны с финнами и принес его на подпись Ворошилову. Ворошилов ответил ему:

– Что ты! Какой план? Шапками закидаем!

Возможно, это байка, но...

Вы писали домой?

Да. Писали то, что можно было. Нам об этом объявили. Нельзя было писать, например, на каком участке фронта ты воюешь. Можно было о здоровье и пр. Письма просматривались, ставилась печать. Я писал, скорей всего, на финском, мать лучше знала финский.

Вам приходилось встречаться с генерал-майором Аксели Анттила, возглавлявшим ФНА?

Лично встречаться не приходилось. Говорили, что он был человек необразованный, военного дела не знал. Он родился в Финляндии, бежал во время гражданской войны в СССР, по-русски говорил плохо. Телефонистам было запрещено разговаривать с абонентом. Анттила звонит и говорит:

– Масиину и пулэмэтсика.

Все понимали, что это значит «машину и пулеметчика», ему требовалась машина с охраной. Мы звонили по соответствующим адресам. Причем это было против всяких правил, но мы были так проинструктированы, что если звонит Анттила, то выполнять, иначе он разозлится и начнет шуметь. Мне нужно прерывать работу за коммутатором, звонить в транспортный отдел, вызывать машину, потом звонить в охрану, т. е. в другой отдел.

У Аксели Анттилы был немецкий приемник. Приемник сломался. Он вызывает мастера, тот посмотрел и объясняет:

– Товарищ комдив, лампы перегорели.

– Так почините.

– Но мы не можем починить лампы.

– Зачем ты тогда пришел? Пошел вон!

На телефонной станции нас было 12 человек. 6 человек за двумя коммутаторами, а 6 были линейными надсмотрщиками. Их дело было чинить линии, если что-то порвалось. Мы были под Зеленогорском, а война уже откатилась под Выборг. У нас было тихо, линейным надсмотрщикам было нечего делать. Мы приняли на станции решение, чтобы все работали за коммутатором, тогда мы будем в два раза меньше дежурить. Стали учить этих линейных надсмотрщиков

А разве было возможно, чтобы в армии бойцы сами распределяли обязанности?

В этой армии не было настоящей дисциплины. Мы понимали, что мы не имеем права этого делать. Решили, что ученик будет работать, когда мало звонков. После 18:00 служебные переговоры прекращаются. Но было решено, что, если звонит № 1 (Анттила), тогда ученик ничего не трогает. Он снимает «арматуру», дает «учителю», и тот все делает. У нас все шло хорошо. Но однажды Анттила позвонил не со своего номера, а с номера дежурного по части № 6. Он говорит свою коронную фразу. Ученик не реагирует. Такое правило.

Анттила повторяет ее опять. Учитель видит, что творится что-то странное. Хочет у него взять наушники, а ученик, думая, что он делает все правильно, сказал:

– Да пошел ты.

Мы поняли, что случилось что-то невероятное. Бежит дежурный майор по штабу:

– Снять ремни!

Это значит, что ты арестован. Всех нас арестовали и привели к Анттиле. По уставу ему нужно было поручить разобраться с нами своему адъютанту.

Он спросил:

– Кто сказал, пипить твою мать? Пошли вон все отсюда!

Я не помню фамилию начальника штаба, но у меня впечатление, что многими вопросами, в которых Анттила не был компетентен, занимался он. Начальник штаба обладает большими правами, он имеет право приказывать от имени командира. Он звонит командиру полка и говорит:

– Командир дивизии приказал.

И тот должен выполнить его приказ. И только после этого он докладывает командиру дивизии, что он от его имени дал такой-то приказ. Этого требовала обстановка, некогда было согласовывать. Командир дивизии может потом позвонить и отменить, но я таких случаев не знаю. У нас начальники штабов всегда были грамотные.

По радио исполняли советскую песню «Принимай нас, Суоми, красавица»?

Нет, не помню. В доме в Куоккале, где размещался штаб, были патефон и много пластинок – русских и финских. Мы их слушали иногда. В Ривьере местное население все ушло, пустые дома. В одном доме я нашел очень хорошие лыжи. В свободное время я катался по окрестностям. Когда мы переезжали, я хотел их взять с собой, но было много другого груза.

Около нашего штаба была деревня, куда поместили всех, кто не успел эвакуироваться. Я туда ходил пару раз и менял хлеб на молоко. Хлеба нам давали много. Когда я пошел первый раз, то увидел, что один старик копается в огороде. Я спросил его (на финском):

– Что, дедушка, уже весенними работами начал заниматься?

Но он не понял моего юмора и обругал:

– И ты с этими красными заодно!

Ваши командиры позволяли вам общаться с местным населением?

Никто ни на кого не обращал внимания. Никого давления, запретов не было. Мы делали, что хотели.

Какое настроение было у бойцов? Кто-нибудь рвался на фронт? Были ли настоящие добровольцы?

Нет. Никто не рвался. Не помню, чтобы были добровольцы.

Приходилось сталкиваться с финской пропагандой?

Однажды я пришел на почту дивизии. По радио шла передача. Работники почты не обращали никакого внимания. Сейчас не помню точно, на каком языке она была, но я прислушался. Это была финская радиостанция. Высмеивалось советское руководство.

– А вот у них такой козел с бородкой, его зовут Калинин.

Я поспешил уйти с почты.

Передавали из финской церкви, пастор говорил о великом несчастье, постигшем страну, призывал к борьбе, спасению отечества.

Я настраивался и ловил финские войсковые радиостанции, когда они вели между собой переговоры, и сообщал об этом разведотделу. Около месяца я их слушал, но добыть ценной информации не удалось. Они, например, говорили: «7,65 и 5000». 7,65 – это был винтовочный калибр и сколько штук. Но где они лежат – это было неизвестно.

Стали говорить, что весь штаб скоро переедет под Выборг и мы вступим в бой. А вдруг – конец войне. Никаких предварительных намеков. В этот день я сидел за коммутатором, работал. Вдруг звонит 18-й номер, который считался транспортной частью. Незнакомый голос на ломаном русском сообщил:

– Скажите всем, чтобы больше сюда не звонили.

Я удивился. Почему мне звонят, а не начальству. Затем объявили, что война закончилась. Уже потом я узнал, что это было сообщение из Народного правительства, возможно, от Отто Куусинена. Все обрадовались и надеялись, что мы скоро вернемся домой.

В начале 1990-х годов проходили встречи ветеранов Зимней войны – финских и советских. Я в них участвовал, в том числе и как переводчик. Встречи происходили на бывшей границе в местечке Кивиниеми (сейчас Лосево). Финны приезжали на 5–6 автобусах. Привозили складные столы, провизию. Мы тоже приезжали на автобусе, привезли огурцы, колбасу, водку. Я познакомился со многими ветеранами. Меня звали в гости в Финляндию. Финны привозили и отдавали нам одежду. Финнов интересовала наша водка, она выпивалась моментально. Было много разговоров о войне – Зимней и «войне-продолжении» 1941–1944 годов.

Меня мучил вопрос:

– А почему вы вообще вступили в войну на стороне немцев? Почему не объявили нейтралитет?

– Если бы мы объявили нейтралитет, немцы сразу оккупировали бы Финляндию, и вам пришлось бы воевать еще и на нашей территории с немцами. Мы вернули себе только наши исконные земли.

– Но вы же захватили часть Карелии с Петрозаводском?

– Это был необходимый тактический ход.

Мы сидели за одним столом, общались, смеялись, вспоминали войну. Финны рассказывали:

– У вас была неоднократно возможность окружить нас, но вы этого не знали. У вас была плохая разведка.

Оказались мифом снайперы-кукушки, во всяком случае массово, как говорилось в советской пропаганде, они не применялись. Никаких упреков никто не высказывал. Через несколько лет эти встречи резко закончились.

После окончания Зимней войны я продолжил службу в Петрозаводске. Финскую народную армию преобразовали в 71-ю стрелковую дивизию. Наш 1-й батальон связи назвали 126-м батальоном связи. Нас снова переодели в красноармейскую форму. Я был также инструктором по лыжной подготовке, учил новобранцев с юга. В 1940 году меня наградили 10-дневным отпуском домой за хорошую службу по ходатайству командира батальона. Я съездил домой.

Как вы узнали о начале Великой Отечественной войны?

Наш батальон связи находился в Петрозаводске. Мы были в летних лагерях на границе с Финляндией. Сосновый лес, палатки, в каждой шесть человек. Было воскресенье, выходной, солнечный день. Занятий не было. Мы пошли на речку, загорали. Я был уже командиром взвода. Ко мне подходит рядовой Смирнов. Не отдал честь старшему по званию, не попросил разрешения обратиться. Говорит неуверенно:

– Товарищ старший сержант, там, там... там тревогу объявили.

Мы не спеша пошли, по радио передают речь Молотова. Мы свернули лагерь, у нас были подготовлены боевые позиции. Меня сразу назначили начальником главной радиостанции, которая поддерживала связь между полками дивизии.

Финны начали боевые действия 26-го числа. На встречах ветеранов я спрашивал:

– Почему вы начали воевать через четыре дня?

– Когда немцы напали на СССР, Маннергейм сразу послал письмо Сталину и ждал ответа четыре дня. Какое письмо, до сих пор неизвестно, архивы молчат. Ответа он не получил.

Я думаю, Маннергейм просил Сталина о переговорах.

Финны превосходили нас силами в три раза. Но мы ни разу не отступили без приказа. Между Финляндией и Карелией сплошного фронта не было и не могло быть: там леса, болота, озера. Были только участки фронта. Дальше я высказываю свое мнение. Если война идет на участках, с фланга обойти нельзя, то численное превосходство не имеет значения. Окружение было невозможно. Поэтому больших потерь не было. Было невозможно поставить артиллерию, пустить танки. Наше отступление было организованным.

В начале войны в нашу часть прибыл особый отдел НКВД проверять радистов. Всех вызывали, чтобы рассказать автобиографию. Я рассказал, что мой отец был арестован в 1937 году. Когда комиссия уехала, меня вызывают в штаб батальона связи «в полном боевом» со всем имуществом. Я подхожу и слышу резкий голос начальника штаба, капитана Богданова:

– Ну что, в пехоту его?

Неужели обо мне речь? Если в «полном боевом», это значит, что меня из части будут переводить. Видимо, он говорил с начальником связи. Я пришел к начальнику связи Овчарову, и он мне сказал:

– Во-первых, ты ни в чем не виноват. Мы тебя не сдадим. Перейди на один месяц в телефонную роту и побудь там. А через месяц все успокоится.

Месяц я был в телефонной роте, таскал провода. Командир взял на себя колоссальную ответственность, потому что не выполнил решение НКВД. Я оправдал его доверие, у меня ни разу не было отсутствия радиосвязи.

Лиц финской национальности использовали в разведке в тылу врага?

В начале войны в 71-й стрелковой дивизии не было разведбатальона. Почему такой недостаток, никто не мог понять. Его создал Кукконен Йорма Эдуардович. Он сам предложил стать начальником группы разведчиков. Сначала это была только группа, а не батальон. Он обошел все полки. Выбрал 100 человек рослых ребят. По глазам узнавал, какой это человек. Его группа стала брать языков. На основе этой группы был создан разведбатальон, во главе которого встал Кукконен.

Меня вызывает начальник связи. Я прихожу, жду в приемной и слышу разговор. Там идет спор обо мне. Кто-то говорит, что Гюннинена нельзя посылать.

– Этого посылали – никакой связи, того посылали – никакой связи. А у Гюннинена был хоть один случай, чтобы связи не было? Послать, и все!

Меня назначили начальником радиосвязи разведбатальона. В мою задачу входило держать связь между штабом батальона и штабом дивизии. Батальон входил в тыл на 30 км, многие радисты с переносными станциями не имели связи. До нас у Кукконена уже перебивало много радистов, которые не могли обеспечить радиосвязь. Они брали слабые радиостанции на 10 км. Я сам выбирал радиостанцию и взял двуколку с лошадкой Красавчиком. Эта радиостанция брала связь на 30 км. И у меня не было ни одного случая отсутствия связи. Мне помогал отличный слух, и я ловил даже малейшие шумы в радиусе 30 км.

Кукконен принял меня прохладно. Я с радистом Шишиным шел в его разведбатальон 6 часов 30 км по лесной дороге. В середине пути мы сделали проверку связи. Когда мы пришли, Кукконен стоял на крыльце. Я доложил ему, как положено по уставу, а он мне:

– Ну вот что, пока радиосвязи не будет, ни спать, ни есть!

А мы такие усталые. Я ему зло отвечаю:

– Вам, товарищ капитан, когда нужна радиосвязь?!

– В 10 часов надо передать сообщение.

– Товарищ капитан, в 10 часов сообщение будет передано. А когда нам спать и есть – это наше дело.

– Ну смотри.

Мы с радистом Шишиным поели, легли спать. В 8 утра мы связались со штабом дивизии. Все работает.

Я доложил Кукконену, что можно передавать сообщение.

– И что, можно передать?

– Да.

Я передал зашифрованную телеграмму и получил через 10 минут ответ.

Все очень обрадовались.

– И можно передать еще?

– Да сколько угодно. Все работает.

После этого Кукконен объявил:

– Гюннинен в моем личном распоряжении.

Я стал обедать с ним. За обедом мы говорили по-фински. По-фински он говорил лучше, чем по-русски, небольшой акцент у него был. До 14 лет его семья жила в Финляндии, потом они переселились в Карелию. Он был спокойный, железный человек. Никогда не повышал голоса.

Кукконен вел разведку на 120 км вглубь. Так глубоко разведка не ходила ни в одной дивизии. В Карелии не было сплошного фронта из-за лесов и болот. Разведчики с легкостью проникали сквозь линию фронта. Кукконен выходил с отрядом. Они были одеты в финскую форму, хорошо знали финские обычаи. Он разделял их на группы, давал задание.

Кукконен рассказывал о своих разведпоходах. Например, он взял в плен финского офицера. Все происходило в глубоком тылу, 100 км. В финской форме он вышел на дорогу. По шоссе на велосипеде едет финский офицер. Кукконен огляделся – никого нет. Когда офицер подъехал, он сказал ему:

– Господин офицер, я очень сожалению, но вы мой пленник.

Офицер решил, что это шутка, засмеялся. Из кустов выскакивают два бойца Кукконена, хватают этого финского офицера. В другой раз группа не ставила задачу брать пленных. Они узнавали расположение противника. Им навстречу ехал медицинский автобус, и они взяли всех в плен.

Связисты – самые осведомленные люди. Вы не боялись сами стать языком?

Когда разведчики шли на задание, они брали того, кто попадется. Человек должен попасть в такую ситуацию, чтобы стать языком. Если он осторожен, то языком он не станет. Особого страха у меня по этому поводу не было.

Командир разведбатальона отправил меня на 40 км в тыл и назначил начальником тыла.

– Там четыре мужика. Я боюсь, они будут водку жрать. Вот тебе ключ от кладовой, выдавай по 100 грамм. Больше не давай.

Я выдавал по 100 грамм, а сам не пил. Они удивлялись:

– Ну ты самостоятельный.

Сначала было все спокойно. В декабре 1941 года танки противника ворвались в штаб дивизии. Был разгромлен весь узел связи. В это время я со своей радиостанцией, которая была на двуколке, был в разведбатальоне. Финны прорвали фронт в районе Медвежьегорска, двигались к Повенцу со страшной силой. Прибежал заместитель командира батальона, сказал немедленно уходить: противник скоро будет здесь. Мы помчались с двуколкой и влились в общий обоз. Какой-то грузовик опрокинул нашу двуколку, и все развалилось. Одна лошадь убежала, другая осталась. Бежит заместитель командира батальона, дает команду:

– Радиостанцию уничтожить и уходить.

Я должен был бросить гранату, но я не сделал этого. Мы с Шишиным подняли двуколку на колеса, запрягли оставшуюся лошадь. Несмотря на невероятные трудности, радиостанцию

мы спасли. Кругом рвутся снаряды, а мы пронесли ее. Приходим к командиру дивизии, а он без связи. Он даже не знает, где его полки. Я его связал с полками, дивизия начала воевать.

Заместитель начальника оперативного отдела сказал:

– Ну, Гюннинен, ты армию спас! Тебе самое малое – Орден Боевого Красного Знамени.

Но мне ничего не дали. Приказ Сталина. Если операция неудачная, никого не награждать. Вместо награды я получил повышение. Во время этой операции был убит Ильин – командир взвода. В него и его радиостанцию выстрелил танк прямой наводкой. Меня назначили вместо него, и я получил офицерское звание.

В другой раз мою радиостанцию нужно было срочно перебросить. Ее погрузили на грузовик, колеса сняли. Привезли по назначению, а там бой идет. Все сидят в окопах, а я на грузовике. Я был под сосной, осколком срубило огромный сук прямо над моей головой.

В Карелии мы отступали до Беломорского канала. Наши войска стояли на восточном берегу канала, финны – на западном. Фронт стабилизировался в декабре. Настоящих боев не было, ни одна сторона активности не проявляла.

Какие были условия проживания, как питались?

У каждого солдата был котелок с крышкой. Эта крышка была как тарелка. В котелок наливали первое, а на крышку клали второе. Ложку держали за голенищем. Какая бы ни была обстановка, питание было. В лесах Карелии водились лоси. Охота на них считалась браконьерством. Но если лось ранен, он все равно умрет. Ребята находили раненых лосей, добивали, готовили. Лосиное мясо было хуже по вкусовым качествам. Жили в землянках, шалашах, по обстановке. Были палатки, но они быстро вышли из употребления, наверное, износились.

Какие отношения были с особистами?

У нас был в особом отделе Иванов. Очень хороший человек. С ним можно было поговорить о чем угодно. По крайней мере, я не замечал, чтобы он за кем-то следил.

А с комиссаром?

У нас был очень хороший, сердечный комиссар. Не помню его фамилии, на букву К. Он был старше нас. Он помогал нам таскать катушки.

Финны вели пропаганду?

Специально пропаганду финны не проводили. Обстановка месяцами была стабильной, между фронтами расстояние – 200 м. Финны, бывало, кричат нам:

– Рус, пора обедать.

Между фронтами упал советский самолет-разведчик У-2. Летчик успел выпрыгнуть с парашютом. Во время затишья солдаты, наш и финский, подползали к этому самолету, вырезали алюминий. Никто друг друга не трогал. Из алюминия делали ручки для ножей.

Вы поддерживали связь с родственниками?

Моя деревня оказалась под немецкой оккупацией. Мать переехала в Ленинград. Город был окружен, но письма доходили. Я писал матери, сестре. В 1942-м я узнал от сестры о смерти матери. Она отдавала сестре хлеб и умерла у нее на руках.

Брат бежал в Эстонию, оттуда попал в Финляндию. Когда по требованию советской стороны началась выдача всех советских граждан, к нему пришел финский полицейский.

– Я пришел для того, чтобы тебя насильственным образом отправить в Россию. Но я скажу, что я тебя не нашел. А ты беги в Швецию, оттуда никого переселять не будут.

Он так и сделал. Там он встретил девушку из нашей деревни. Они поженились. Обратно никаких отношений я не поддерживал. Он понимал, что это очень опасно для меня. В 1976 году он разбился в автомобильной катастрофе. Только в 1990-е годы через церковь я нашел его сына и узнал о его судьбе.

В марте 1942 года финское население было депортировано из блокадного Ленинграда и его пригородов. Вы что-нибудь слышали об этом во время войны?

Нет. Сестра эвакуировалась, но к национальности это не имело никакого отношения. Она работала старшим лаборантом в метеорологическом институте. Институт эвакуировался, он нужен был для обороны страны. Директор мог взять с собой в эвакуацию ограниченное количество людей. Он взял наиболее ценных сотрудников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.